

романтической традиции особенно заметны. Романтическая проблематика осталась «открытой» всему XIX в. Путь развития пейзажа об этом красноречиво свидетельствует.

Итак, перед нами интересная книга, которую с большой пользой для себя прочтут специалисты по истории русской литературы и живописи, а также читатели-неспециалисты, которые любят русскую литературу и живопись.

Те критические замечания, которые хочется высказать, исходят от историка живописи и не затрагивают литературоведческих проблем.

Первое, на что следует в этом плане обратить внимание, связано с качественной оценкой произведений живописи. В книге К. В. Пигарева нередко сравниваются разномасштабные величины. Пафос очерков состоит не в качественной оценке, а в выявлении сходства в самом процессе, в подходе к изображению природы. Поэтому такое сравнение разномасштабных явлений правомерно. Но каждый раз оно требует не только специальных оговорок, но и включения качественного критерия в анализ художественных явлений.

Второй вопрос связан с первым. Автор убедительно показывает, как открытия, сделанные поэтами и писателями еще в первой половине XIX в., в более позднее время становятся достоянием живописи. Происходит это не обязательно в силу влияния писателей на живописцев, а прежде всего потому, что живопись сама, своими путями приходит к близким задачам. Но при этом получается, что сравнению подвергаются явления, принадлежащие разным эпохам. Таково, например, сравнение Пушкина и Саврасова, Пушкина и Перова. Споры нет, пейзаж, написанный Пушкиным из татьянинного окна, вызывает аналогичию в саврасовском «Дворике», а пушкинские картины нищей русской деревни могут вызвать в памяти перовские пейзажные фоны. Речь в таких случаях должна идти прежде всего о каких-то отчужденных, самостоятельных моментах (предмет, сюжет, мотив) и менее всего — о поэтике, стилистике, образном звучании в целом. Пушкинская целостность мироощущения разрушена во времена Перова и Саврасова. Для Пушкина мир обладает бытийной, онтологической

красотой. Саврасов поэтизирует реальность, следовательно, поэзия мира в большей мере зависит от позиции художника, от его «установки». Для Перова мир вообще утрачивает свою поэтичность. Пушкинская классичность недостижима живописцам второй половины XIX в. (равно как и писателям). Следовательно, необходимо подчеркнуть, что сопоставление ведется только в пределах какого-то одного аспекта. Если брать другие аспекты, то более убедительным окажется аналогия с венециановцем Крылова, приводимая автором, или сравнение с Александром Ивановым, хотя последний и не писал русских пейзажей. Между тем это сравнение коснулось бы не предмета, не мотива, а более общих принципов художественного мышления: Иванов, как и Пушкин, умеет в образе достигать чеканной полноты, умеет единичную картину трактовать, как целый мир.

Проблема Иванова вновь возвращает нас к задаче выявления масштаба, значительности того или иного художника. С Ивановым не могут быть сопоставлены ни Саврасов, ни Шишкин, ни Васильев, ни Левитан. Следовало бы более определенно выявить эту разницу масштабов и подчеркнуть центральное место Иванова в русской живописи XIX в.

Иногда сравнение произведений, принадлежащих разным видам искусства, требует дифференцированного подхода. Та научная объективность, которую отмечает автор в творчестве Аксакова и Шишкина, в литературе и в живописи оборачивается различными своими сторонами. Копирование природы словом и изображением может привести к разным результатам: изображение иногда лишь повторяет натуру, слова — даже при максимальной точности описания — так или иначе ее преобразуют.

Все эти замечания не меняют сути дела. Очерки К. В. Пигарева являются полезной книгой. Хочется надеяться на то, что сравнительное рассмотрение литературы и изобразительного искусства, успешно начатое автором прежде и продолженное сейчас, будет развито в дальнейшем не только в масштабах пейзажного жанра, но и в масштабах всей живописи середины и второй половины XIX в.

Д. Сарбабянов

Русский фольклор. XIII. Русская народная проза.

Л., «Наука», 1972, 316 стр.

XIII том «Русского фольклора» посвящен народной прозе: несказочной прозе, газдам, заговорам и пословицам. Кроме статей и исследований, опубликовано несколько заметок о преданиях и два общения о фольклорной традиции в овгородской области. Большое место

отведено в сборнике «Personalia»; приятно было прочитать не только юбилейные статьи о деятельности Т. М. Акимовой и А. В. Позднеева, но увидеть и библиографию их работ. В последние годы наша наука понесла тяжелые утраты: в XIII выпуске — некрологи В. Я. Проп-